

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Петербургский институт иудаики

ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

статьи и материалы

Цвелодубово Ленинградской области
2013

Дмитрий Бреслер

«Фьюте культура»: К проблеме интертекста «Заката Европы» в романах К. Вагинова

The present paper attempts to describe the peculiarities of the polycitational structure of K. K. Vaginov's prose texts, particularly their intertextual references to O. Spengler's conceptions of the «Sunset of Europe,» and the Russian idea. The paper argues for a principal debunking of the significance of direct references to the German philosopher's name, which appear merely as a cultural cliché, a 1920s 'trend.' Furthermore, at first glance, Spengler's conceptions also appear in Vaginov's texts as empty, philistine formulae. Nevertheless, after this initial intervention, the paper describes a multifaceted parallelism between the problem of the «Sunset of Europe» and the poetic world of Vaginov's novels. The experience of the crumbling of cultural civilization actualizes the metafictional peculiarities of the novels' composition, as well as the self-descriptive character of their narration.

Key words: Intertext, Vaginov, Spengler, the Russian idea.

В данной статье совершена попытка описания особенностей полицитатной структуры прозаических текстов К. К. Вагинова на примере интертекста «Закаты Европы» в концепциях О. Шпенглера и Русской идеи. Как культурное клише, «тренд» 1920-х прямое упоминание имени немецкого философа подвергается принципиальному развенчанию, содержание его концепции, на первый взгляд нивелируется до пустых, филлистерских формул. Однако вслед за формальным снятием, следует многогранное соответствие проблематики «Заката Европы» и поэтического мира романов Вагинова. Переживание крушения культурной цивилизации актуализирует метафизические особенности композиции романов, автоописательный характер изложения.

Ключевые слова: интертекст, Вагинов, Шпенглер, Русская идея.

Полицитатная структура прозаических текстов Константина Константиновича Вагинова представляется еще не вполне осмысленной научным сообществом. С большим усердием и той полнотой, которую позволяют сведения о круге чтения Вагинова, разрабатываются наиболее очевидные генетические связи: например, Вагинов-Гумилев, Вагинов-Мандельштам, Вагинов-Бахтин, Вагинов-Хармс (ОБЭРИУ-ты). Плодотворная источниковедческая работа ведется комментаторами произведений Вагинова, благодаря чему мы можем судить о широчайшем диапазоне выбора той или иной цитаты для помещения ее в текст. Однако именно пресловутая вагиновская «всеядность» становится подчас непреодолимым барьером при структурном описании

интертекстуального уровня его произведений. Приведем обширную цитату из недавнего исследования, посвященного нашей проблеме.

«Романы К. Вагинова представляют монтажную поэтику и собственно в цитатной функции, и в гротескно-пародийной модальности. Каждый из романов — «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» и «Гарпагониана» — на уровне метатекста интегрирует одну или несколько новейших нарративных техник (роман с ключом, зеркальный роман), а «Труды и дни Свистонова» и «Бамбочада» еще и теории повествовательного текста, будь то карнавальная поэтика Бахтина, «литература факта», «литературный быт» и т. д. Техника введения, или «мотивировка», в терминологии формальной школы, «теорий» ставит их на грань наррации и метанаррации, взаимоотражения и взаимоотстранения. Монтажная поэтика в «Бамбочаде» и «Гарпагониане» сопоставляет шедевры и отбросы, сокровища духа и обрезанные ногти, уникальные книги, записи сновидений, китчевые конфетные обертки и блатной фольклор. Вагинов, с одной стороны, апеллирует к древнейшему приему универсального перечня, всеобщего реестра (как в средневековых *parodia sacra*, барочных романах), с другой стороны, предвосхищает постмодернистскую метафору мира как супермаркета и свалки». [2, с. 255]

Несмотря на точные наблюдения, связанные с некоторыми поэтическими принципами, присущими романам Вагинова, в рассуждении исследователя есть один существенный изъян. Если следовать представленной логике, то многочисленные цитаты, аллюзии, пародии и стилизации, размывание границ фикциональности, монтажное соположение «шедевров» и «отбросов» — одновременно и материал, и следствие *цитирования* теоретических дискурсов Бахтина, ЛЕФа, формальной школы и проч., что, однако, не только не объясняет интертекстуальную природу произведений, но абстрагирует ее, снимая всякую релевантность литературоведческого анализа. Натали Пьеге-Гро в обобщающей работе «Введение в теорию интрертекста» сознательно отделяет объект своего исследования от понятия «интердискурса», который определяется как «начало другости, присутствующее в любом дискурсе», как «дискурсивная почва, из которой вырастает любое высказывание», и особо оговаривает: «мы будем строго отличать отсылку к тому или иному конкретному тексту от диссеминации того или иного дискурса». [8, с. 71] Исторический контекст средневековых «*parodia sacra*» и постмодернистской мета-

форы о «супермаркете», в который помещены романы Вагинова, — явственный пример интердискурсивной абберации.

Для описания действительно столь гетерогенного интертекста мы предлагаем обратить внимание, в первую очередь, не на содержательный уровень цитации, а на его формально-типологические признаки. Вагиновский интертекст включает в себя такой диапазон эксплицитных и имплицитных цитат, который простирается от примеров «нулевой степени интертекстуальности»,¹ однозначно узнаваемыми современниками, до стилизаций и формального плагиата, наделенного функцией артикуляции «чужого» слова как такового, недостижимого для атрибуции. При этом явные цитаты, на основании парадигматической связности, организуют интертекстуальную структуру, которая функционирует в повествовательной конструкции романов. На наш взгляд, главная задача исследователя состоит как раз в выявлении и описании такого организующего интертекста.

Именно в контексте данной исследовательской стратегии нами будет рассмотрена заявленная в заглавии тема настоящей статьи.

Возможность сопоставить концепцию «Заката Европы» Освальда Шпенглера и эсхатологическую картину мира, эксплицированную равно как в поэзии, так и в прозе Константина Вагинова, не упустил, пожалуй, ни один автор даже обзорной статьи, посвященной его творчеству. Содержащиеся в его текстах яркие исторические параллели между эллинистической эпохой и ранним советским периодом, типологическое сходство событий 1917 года и нападение варваров на Рим, проникновение первых христиан с провинций империи в «Храм господ нашего Аполлона», покровителя мудрости и красоты, будто сами находят свой генезис в циклической морфологии истории, предложенной немецким философом. В 1920-е годы шпенглеризм имеет большую популярность: адепты «учения» находятся как в профессиональной, академической среде, так и в творческих салонах; «Закат Европы» транслируется политическим, культурным, философским дискурсом. К счастью для нас, мы лишены необходимости в изложении исторической справки относительно рецепции Шпенглера в ин-

¹ Термин, введенный Антуаном Компаньоном, — некая минимальная форма интертекста, цитата, которая «включаясь в текст во всей своей простоте и очевидности, <...> сразу же бросается в глаза и не требует от читателя особой пронизательности или эрудиции». [8, с. 85]

тересуемый нас период [9, с. 62–89], равно как и в установлении диахронической связности изложенных им идей с комплексом «Русской идеи», для которой весьма характерен «цивилизационный подход» к изучению истории, критика западной цивилизации и безрадостные прогнозы, касательно ее будущего [3, с. 26–76].

Учитывая важность мотива упадка культуры в творчестве Вагинова, следует анализировать характер восприятия писателем этой темы, что поможет определить характер отношений Вагинова и Шпенглера. Начнем с некоторых предварительных замечаний.

Скорей всего, Вагинов не был знаком с двухтомным, включающим в себя более тысячи страниц, трудом Шпенглера в полном объеме. В 1923 году выходит из печати перевод первого тома, выполненный Н. Горелиным, однако перевод второго тома задержался почти на 70 лет и был выпущен уже только после Перестройки [9, с. 63–64]. Можно справедливо усомниться в достаточном знании двадцатичетырехлетним поэтом и немецкого, и переведенного на русский язык философского фолианта. Однако куда больше оснований быть уверенным в том, что Вагинову был доступен сборник 1922 года «Освальд Шпенглер и «Закат Европы»», содержащий четыре ярких высказывания относительно заявленной темы. В сборник вошли статьи Н. Бердяева, Я. Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка, которые работали с оригинальным немецким текстом Шпенглера и во многом сформировали отношение к идеям Шпенглера в России в 1920-е годы [7]. Любопытный материал сборника мы будем использовать в качестве иллюстрации типологий.

В качестве материала для нашего анализа мы используем два первых романа Вагинова «Козлиная песнь» (1928) <далее, КП> и «Труды и дни Свистонова» (1929) <далее, ТДС>, которыми не исчерпывается использование мотивного комплекса «шпенглериянства», но которые содержат репрезентативную его часть и дает основание для определенных выводов. Так в КП есть прямое упоминание имени немецкого философа.

Глава X. Некоторые мои герои в 1921–1922 гг.

С некоторых пор, с опозданием на два года, в городе — я говорю о Петербурге, а не о Ленинграде — все заражены были шпенглериянством.

Тонкокожие юноши, птицеголовые барышни, только что расставшиеся с водянкой отцы семейств ходили по улицам и переулкам и го-

ворили о гибели Запада.

Встречался какой-нибудь Иван Иванович с каким-нибудь Анатолием Леонидовичем, руки друг другу жали:

А знаете, Запад-то гибнет, разложение-с. Фьютс культура — цивилизация наступает...

Вздыхали.

Устраивались собрания. [1, с. 45]

«Смешок» Неизвестного поэта, адресованный Троицыну, возможно расценить как протагонистический жест героя, обращенный к филлистерам, редуцированно «прочитывающим» философскую концепцию. Предположение косвенно подтверждается заглавием, обрамляющим эпизод в котором упоминаются Шпенглер и Леонтьев: «Некоторые мои герои в 1921–1922 гг.» [1, с. 45]. В такой хронологической атрибуции — скрытое пародирование суждения — с большой долей вероятности ущербного, основанного на слухах и чужих мнениях. Напомним, первый перевод книги будет осуществлен только в 1923 году. Пародийного эффекта Вагинов также добивается в описании «шпенглерят» («словечко» Ленина).

Поверил в гибель Запада и поэт Троицын.

Возвращаясь с неизвестным поэтом из гостей, икая от недавно появившейся сытной еды, жалостно шептал:

Мы, западные люди, погибнем, погибнем.

Неизвестный поэт напевал:

*О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес...*

Говорил о К. Леонтьеве и хихикал над своим собратом. Ведь для неизвестного поэта что гибель? — ровным счетом плюнуть, все снова повторится, круговорот-с. [1, с. 45]

Иронией пропитан образ поэта Троицына, который, по меткому наблюдению А. А. Долинина, боится умереть как западный человек, но спокоен, оказавшись в родной стране в условиях «смены» цивилизаций. Ирония включенности (в случае с Троицыным — «антифразис») в концепцию гибели западной культуры имеет автоописательный потенциал для романного повествования, заложенный, впрочем, самим Шпенглером, стойко ассоциирующим себя с фаустианским человеком.

Ниже у нас будет возможность поговорить об этом подробнее.

Кроме того, обратим внимание на цитату из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835), свидетельствующую о снижении значения концептуального составляющего работы Шпенглера для Вагинова и актуализации аналогичных предшествующих идей, обращенность к российской проблематике (конец империи и возникновение советской цивилизации).

Итак, как видно из процитированного отрывка, с помощью двух явных цитат (Шпенглер и Хомяков) в КП вводится проблематика конца европейской цивилизации. Ссылка на авторитет Шпенглера, чье имя эксплицитно присутствует в тексте, подвергается ироническому развенчанию, тогда как в «неподписанной» цитате из стихотворения Хомякова заложена содержательная сущность проблемы. Авторитет автора, чье имя осталось за рамками цитаты, избегает объективации иронии.

Следующий пример — уже из второго романа Вагинова — призван поддержать интертекстуальный слой «русской идеи» в разработке проблемы «Заката Европы».

Когда все насытились, Куку вынул переписку Тургенева с Достоевским и стал читать, но разморенные едой путники стали сидя засыпать. [1, с. 176]

Здесь необходимо дать небольшую историческую справку. Пачка писем Тургенев-Достоевский впервые попадает в печать в 1924 году. Неизвестную для русского читателя корреспонденцию² открывает И. С. Зильберштейн: с большими пропусками она помещена во «Второй сборник статей и материалов по Достоевскому» (Л.: Мысль, 1924). В предисловии к переписке Зильберштейн сообщает источник публикации: «Печатаемые ниже письма Ф. М. Достоевского к И. С. Тургеневу, извлеченные из парижского архива Тургенева, принадлежащего наследникам Полины Виардо, были опубликованы впервые Andre Mazon'ом, известным французским исследователем Гончарова, в январской книжке парижского «Revue des etudes slaves» 1921 года» [4, с. 311]

Куку очевидно читает осуществленное позднее отдельное издание переписки (Л.: Academia, 1928), в сопровождении источниковедческих

² Достаточно упоминуть книгу Ю. А. Никольского «Тургенев и Достоевский (История одной вражды)» (София, 1921) [5], в которой недвусмысленно заявлено о мифичности предположений о такой переписке.

и аналитических комментариев все того же Зильберштейна. Соответственно цитатой являются не письма одного классика другому, но эпистолярный комплекс в обрамлении литературоведческого анализа.

Еще со времен критической практики XIX века общим местом становится противопоставление идеологических позиций Достоевского и Тургенева, взаимоисключаемость которых и порождает миф об отсутствии продуктивной коммуникации между ними: «Грубо говоря, Тургенев был язычником, а Достоевский ортодоксальным христианином. Для Тургенева человек — движим, для Достоевского он — двигается. Они органически не понимали друг друга и оскорбляли один другого своими убеждениями». [5, с. 53] Последствия короткой встречи 28 июня 1867 года в Бадене (которой, к слову, посвящена отдельная статья в приложении к изданию переписки 1928 года) дают основание поместить конфликт идеологий в контекст общественной мысли, как противостояние почвенника Достоевского ярому западнику Тургеневу.

Этот конфликт актуализирует проблему «Заката Европы» в ТДС и поддержан следующим вставным эпизодом, в котором пусть и не явно, присутствует дихотомия Достоевский/Тургенев.

Письмо Леночки из Старой Руссы Свистонову.

«Дорогое мое солнышко! Как подвигается твой новый роман? Много ли тебе приходится над ним работать? Не переутомляйся. Спи по ночам и ешь как следует.

Как твой поляк, граф и грузин? Достал ли ты нужные материалы? Я читала в газетах, что твой роман скоро появится.

Ты просил меня написать, что я помню о Лизе из «Дворянского гнезда». Ну и ленив же ты, мое золотице. Это я шучу, Андрюшенька! Я понимаю, тебе нужно узнать, что запоминается от ее образа. Я после обеда завела разговор. Пишу тебе в лицах:

Пожилая дама, худенькая, 48 лет, длинноносенькая:

Лиза любила уединяться. Читать Священное писание. Любила очень природу, птичек. Мечтать любила. Подруг у нее не было. В детстве большое влияние имела на нее няня. Считала за грех, что она полюбила Лаврецкого, женатого, считала себя виновной.

Педагогичка, 26 лет:

Дочь помещика. Очень смутный образ. Сад. Она уходит в монастырь, потому что она полюбила Лаврецкого. Няня вместо сказок ей читала жития святых мучеников. Рано ее будила, водила по церквам.

Местный критик:

Абсолютно не помню ничего. Я так давно читал, что ничего не осталось.

Местный донжуан:

Я помню, как Лаврецкий стоит на лестнице. Солнце светит сквозь волосы Лизы. Помню, она гуляет со стариком. Помню открытки. Он сидит она стоит с удочкой.

*Вот все, что я могла собрать для тебя, Андрюшенька, сегодня. Вообрази, какая здесь скука. Говорят только о своих болезнях и сколько мужья зарабатывают. Целую тебя крепко».*³ [1, с. 193]

Леночка пишет из Старой Руссы, городка, в котором в 1876 году Ф. М. Достоевский приобретает дом полковника А. Гриббе. Содержание же письма отражает характер восприятия романа Тургенева «Дворянское гнездо» (1859). Реплики, участвующие в «опросе», кажется, выявляют суть упадка западной цивилизации: современная Вагинову Старая Русса вобрала в себя черты Скотопригоньевска, где нет места ни усадьбе Достоевского, ни творчеству Тургенева. Клишированное, бессознательное прочтение высоко оцененного Достоевским романа Тургенева является сатирически выпяченной «планкой» для современного уровня культуры. Так, мотив «Заката Европы» приобретает важнейший для творческого сознания Вагинова оттенок имманентного эстетического упадка.

Однако необходимо признать периферийное положение интересующего нас мотива, который лишь сопутствует основной проблематике, заложенной в цитате «Тургенев и Достоевский», задавая ее модальность. Содержательную доминанту данной цитаты стоит обозначить как ошибку прочтения и ее последствия (как позитивные, так и негативные).

Особое место в эпистолярной истории (судя хотя бы по количеству писем) занимают взаимоотношения редактора журнала «Эпоха» Достоевского и писателя Тургенева, автора небольшой повести «Призраки» и рассказа «Собака». Мнительность Тургенева, боязнь отрицательных отзывов, опасение мнения публики, салона — массового, невнимательного читателя, — сильно затруднило столь желаемое для редакции журнала издание «Призраков» и вовсе не дало

³ Курсив и смена кегля здесь повторяет текст романа в цитируемом издании.

возможности поместить в свой номер «Собаку», которую Тургенев, под влиянием первых отзывов, отказался печатать. Так обозначен путь, на котором под влиянием не всегда компетентных судей, исчезают прекрасные творения, образцы стиля и эстетики. Здесь письмо из Старой Руссы — пародия на «рецептивную» ревизию — подерживает часто встречаемые открыто сатирические картины «литературных салонов», выписанные в романах Вагинова (что, если вспомнить непростую читательскую судьбу его прозы, деталь автоописательная).

Большое внимание в издании Зильберштейна уделено «баденскому» конфликту 1867 года, который на долгое время сделал невозможным диалог между двумя классиками. Достоевский чувствовал себя практически оскорбленным открыто русофобскими взглядами, нашедшими отражение в «недавнем» тургеневском романе «Дым»: «Генеральство ужасное; а главное его книга Дым меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги, состоит во фразе: «Если бы провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве»». [6, с. 164]

По понятным этическим соображениям, публикация письма Достоевского, адресованного Аполлону Майкову, отрывок из которого мы только что привели, стала возможной уже только после смерти обоих участников конфликта, и полностью, с необходимой академической беспристрастностью, была осуществлена спустя более 60 лет после события — в 1928 году И. С. Зильберштейном. Начиная с конца XIX века, критике подвергались предвзятые, неаккуратные или неполные упоминания письма. Один такой критический отзыв необходимо процитировать. Вот что писал Орест Миллер в 1884 году:

«Я читал это письмо и знаю, что как бы «невыгодно <...> ни отзывался Тургенев о нравственных качествах Достоевского», с Тургеневым его развели ни какие-нибудь личные побуждения или счеты, а исключительно то, что Достоевский не смог помириться с Потугиным <герой романа «Дым» — ДБ>, в котором, по словам Федора Михайловича, Тургенев признал свое собственное исповедание (это, конечно, могло произойти только в пылу раздражения: на самом деле ведь и то, что говорит Потугин, оказывается у Тургенева «Дымом».)» [6, с. 186]

Суть конфликта, по замечанию Миллера, — в перенесении Достоевским мировоззрения героя романа Тургенева на картину мира самого автора. Подобное неразличение фикционального и реально-

го миров, проблематизация границы между реальностью и вымыслом, принципиальны для поэтики Вагинова и выражается не только на условно идеологическом уровне, но и на уровне повествования, осложненного метатекстуальными конструкциями.

Постараемся коротко описать функциональное поле интертекста «Заката Европы». Как культурное клише, «тренд» 1920-х прямое упоминание имени немецкого философа подвергается принципиальному развенчанию, содержание его концепции, на первый взгляд нивелируется до пустых, филистерских формул. Это следствие идеологической позиции Вагинова, которая, во многом, сводится к следующему — культурное поле строится на поэтическом, но не на философском дискурсе; все, что не тождественно эстетическому, всё, что претендует на главенствующую роль над эстетическим, определяет эстетическое извне — должно быть нивелировано, оно — за подем зрения художника. Это своего рода «поэтический скептицизм», отказ в трансцендентности.

Однако вслед за формальным снятием, следует многогранное соответствие проблематики «Заката Европы» и поэтического мира романов Вагинова. Переживание крушения культурной цивилизации (поддержанное «воссозданием» конфликта Достоевского и Тургенева) актуализирует метафизические особенности композиции романов, автоописательный характер изложения. И если в КП *авторская* ирония направлена на псевдо-шпенглерянцев, то в ТДС иронически описан главный герой произведения Шпенглера — Фауст, человек уходящей культуры, — что довершает типологический ряд интертекста «Заката Европы».

— Нет, нет, вы не Наташа, вы Гретхен, — шепчет опьяневший Куку. — А я — Фауст, а Свистонов — Мефистофель, а глухонемая — Марта!

— Не говорите ерунды, — раздраженно прерывает Свистонов. Тяжело ступая, к столику друзей подходит пожилой рабочий. Он останавливается, шатаясь.

— Вы, просвещенные люди, спросить вас можно, почему...

Куку от волнения задевает локтем Свистонова.

Шепотом:

— Сцена за городскими воротами, — восторженно, — сейчас доктором меня назовет!

Рабочий, всматриваясь в лицо Куку, размышляя:
— Гражданин, осмелюсь спросить, не доктор вы будете?
Куку самодовольно смеется. [1, с. 174–175]

Соотнесение образного ряда поэмы классика немецкого романтизма и объекта нашего исследования происходит с определенной редукцией в плане содержания первого. Вагинов переносит мировоззренческую проблематику на «тело» эстетического, объявляя Куку Фаустом, в той же мере погрязшего в литературе, в культурном опыте предыдущих эпох, где персонаж Гете олицетворяет опыт «разума».

«Фауст» Гете для автора «Заката Европы» — идеальный образ «человека западной цивилизации», который, обесценивает собственную душу ради достижения рациональных «высот». Шпенглер, причисляя себя к типичным «западным» людям и являясь автором работы, характеризующий действительность «западного» человека, находит себя одновременно и в образе Фауста, и в «образе автора» современного фаустианского мифа.

Степун одним из важнейших признаков ускользающей от определений гетевской гениальности видел именно в отсутствии «постоянного наблюдательного пункта», в удивительном даре видеть каждое явление «из сердца самого явления». Того, что дано Гете, хочет Шпенглер» [7, с. 28–29] Для Шпенглера гетевский взгляд на мир — это прежде всего метод для своего философского сочинения. Подобный метод можно описать как диалогическую конструкцию автора и героя, помещение повествовательного императива внутри фикциональной сферы.

«Оригинальность Шпенглера не в постановки этой темы [угасание европейской цивилизации — Д. Б.]. Эта тема была поставлена с необычайной остротой русской мыслью. Оригинальность Шпенглера в том, что он не хочет быть романтиком, не хочет тосковать по умирающей великой культуре прошлого. Он хочет жить настоящим. Хочет принять пафос цивилизации. <...> Своеобразие Шпенглера в том, что не было еще человека цивилизации, осушителя болот, который бы обладал таким сознанием, как Шпенглер, печальным сознанием заката старой культуры, который бы обладал бы такой чуткостью и таким даром проникновения в культуру прошлого». [7, с. 67]

Список литературы и источников

1. *Вагинов К.* Полное собрание сочинений в прозе. СПб., 1999.
2. *Беляева Н.* Русский роман XX века: Интертекстуальность как конструктивный принцип // Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры: Сб. ст. по материалам Международной интернет-конференции. Томск. 2007. С. 248–263.
3. *Долинин А.* Гибель Запада: К истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея. СПб., 2010. С. 26–76.
4. *Зильберштейн И.* Письма Ф. М. Достоевского к И. С. Тургеневу // Второй сборник статей и материалов по Достоевскому. Л., 1924.
5. *Никольский Ю.* Тургенев и Достоевский: (История одной вражды). София. 1921.
6. Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев: Переписка / Под ред., с введением и примеч. И. С. Зильберштейна. Л., 1928.
7. Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922.
8. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности/Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 2008.
9. *Тиме Г.* Закат Европы как «центральная мысль русской философии» (о мировоззренческой самоидентификации России в начале 1920-х гг.) // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы. СПб., 2006. С. 62–89.